

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Проблемы теории, методологии и истории социологии

УДК 316:115
ББК 60.5+87.21

П.А. АМБАРОВА

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

P.A. AMBAROVA

SOCIAL TIME IN THE CONTEXT OF THE MODERN SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках проекта № 14-03-00072 «Нелинейная динамика социального времени
в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей»*

Статья посвящена рассмотрению основных теоретико-методологических подходов к изучению социального времени, сложившихся в современной зарубежной и отечественной социологии. Показано, что категория социального времени является предметом междисциплинарного анализа. Рассмотрены традиционные и новые подходы к трактовке социального времени в социологии. Обозначены общие принципы социологического подхода к изучению социального времени.

The article is devoted consideration basic theoretical and methodological approaches to the study of social time, prevailing in modern foreign and russian sociology. The category of social time is shown as the subject of interdisciplinary analysis. Reviewed traditional and new approaches to the interpretation of social time in sociology. The general principles of the sociological approach to the study of social time are considered.

Ключевые слова: социальное время, линейное и нелинейное время, мультипарадигмальный подход к социальному времени.

Key words: social time, linear and nonlinear time, multiparadigmality approach to social time.

Категория социального времени является одной из самых широких и фундаментальных в тезаурусе социальных и гуманитарных наук. Сложность самого феномена социального времени сделало его анализ предметом междисциплинарного рассмотрения, которое должно быть осуществлено на основе раскрытия специфики и содержания различных дисциплинарных подходов. По нашему мнению, основными из них являются: философский, социально-психологический, экономический и социологический подходы.

Философский подход – наиболее ранний среди всех перечисленных – базируется на понимании времени как формы бытия, выражающей смену вещей друг другом, длительность их существования, стадии их развития [1, с. 164]. Философское понимание времени широкое, оно охватывает различные его виды (биологическое, географическое, социальное время и др.) и проявления (темпоральные структуры, процессы, их ритмы, порядок и пр.). В философии проблема времени носит смысложизненный характер, о чем писал Н. Бердяев: «Проблема времени есть основная проблема человеческого существования. ...Для неё [философии. – П.А.] проблема времени есть проблема человеческой судьбы» [2, с. 284].

Социальное время выступает базовой характеристикой общества, на основе которой строится картина мира, формируются представления о тех или иных социальных явлениях, процессах и состояниях. Социальное время, рассматриваемое с таких позиций, трактуется как необходимое условие протекания процессов человеческого познания, мышления и деятельности. Для нас в методологическом плане важна вытекающая из этого тезиса философская трактовка социального времени как критерия оценки социальных качеств людей и вещей, а также формы согласования взаимодействия социальных субъектов, обеспечивающей воспроизводство и обновление различных способов их жизнедеятельности [3, с. 165].

Не менее значимым для нас является социально-психологический подход, в рамках которого время рассматривается как явление, связанное со способностью личности и групп людей отражать в сознании систему временных отношений, складывающихся в окружающей среде между событиями, вещами, людьми, а также темпоральные свойства (скорость, ритмы, последовательность и пр.) психических процессов. Особенности социально-психологического подхода к анализу времени является учёт взаимосвязи субъективного и объективного, эмоционального и когнитивного в отражении временных феноменов.

Социально-психологическая концепция времени конкретизируется в исследованиях психологического возраста, биографического времени человека, в изучении особенностей восприятия времени в различных психофизиологических состояниях и возрастных периодах, в специфических условиях различных видов деятельности [4]. Значимым как для социально-психологического, так и социологического дискурса является акцент на взаимосвязи восприятия времени и культуры, а также функциональном значении времени в регулировании поведения [5].

Серьезную методологическую основу изучения времени создают различные экономические теории и концепции. Необходимо заметить, что само понятие социального времени не стало предметом анализа большинства экономистов. Исключение составляют работы П. Самуэльсона (учеником которого являлся Р. Мертон) и Г. Беккера, посвященные экономике времени и трактующие его в контексте функционирования человеческого капитала и качества человеческой жизни [6, 7]. В экономике, по мнению исследователей, сложилось противоречие между отсутствием системы научного знания о времени и реальной практикой временного измерения экономических явлений и процессов [8, с. 19].

Между тем, в центре внимания представителей экономической науки оказались производные от социального времени понятия «рабочее время», «время производства», «внерабочее время», «календарное время», «время отдыха» и некоторые другие понятия темпорального ряда: «бюджет времени», «баланс времени», «экономические циклы», «закон экономии времени» и др. Были проведены серьезные исследования структуры рабочего времени, послужившие теоретико-методологическим основанием нормирования труда. В последние годы все больше и больше внимания уделяется флексибилизации рабочего времени в условиях удаленной занятости, фриланса [9–13]. Все эти исследования стимулировали развитие в дисциплинар-

ных рамках экономической науки тайм-менеджмента – научно-практической области знания об управлении временем субъектов экономической деятельности.

Именно в тайм-менеджменте пересекаются интересы представителей трёх наук – экономики, психологии и социологии, направленные на осмысление субъективных и объективных аспектов темпорального поведения человека в сфере экономики, управления и производства.

Признавая значение философского, социально-психологического, экономического подходов, мы особо выделяем социологический подход к исследованию социального времени, имеющий серьёзные традиции, собственные принципы и методологические установки в его изучении. Обозначим некоторые принципы социологического подхода к анализу социального времени.

Во-первых, в социологии социальное время объективируется и конкретизируется в различных формах социальной деятельности и взаимодействия социальных субъектов. В отличие от философии социальное время в социологической науке может быть описано, измерено, зафиксировано в объективных феноменах: бюджете времени конкретного социального субъекта, способах и условиях темпоральной организации его жизнедеятельности (профессиональной, бытовой, досуговой и пр.). Оно может быть отражено в мнениях, оценках, представлениях социальных субъектов, в их эмоциональном восприятии и переживании времени. Социология также исходит из представлений о социальном времени, которое объективируется в образе жизни личности, социальной общности, социума.

Во-вторых, сочетание объективного и субъективного в анализе социального времени выступает базовым (хотя и не исключительно социологическим) принципом анализа. По мнению В.Е. Горбунова, объективистская и субъективистская традиции в исследовании времени сформировались ещё до появления социологии как науки, а потом укрепились и в ней. Первая прослеживается в концепциях И. Ньютона, Г. Лейбница, О. Конта, А. Курно, В. Дильтея, А. Бергсона, О. Шпенглера и др. Вторая традиция, представители которой рассматривали время как внутренний опыт социальных субъектов, нашла отражение в трудах И. Канта, М. Хайдеггера, К. Маннгейма, Г. Зиммеля, П. Бергера, Т. Лукмана, Э. Кассирера, Х. Ортега-и-Гассета и др. [14]. Он также отмечает в качестве промежуточных взгляды К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Мосса, Э. Эванс-Причарда и др.

В современной социологии обе традиции сочетаются. Объективный подход к социальному времени сближает социологию с экономикой (для последней названный подход выступает доминантой). Субъективный подход, который в большей степени присущ социальной психологии, в социологии позволяет глубоко осмыслить феномен времени благодаря выявлению отношения людей к нему, проникновению в их смысловые представления, социальные переживания и эмоции, связанные с временем.

Использование объективного и субъективного подходов в сочетании позволяет осуществлять социологический анализ различных форм темпоральной активности социальных субъектов как меры их деятельности. В этом смысле деятельностная методология выступает в качестве сквозной (или базовой) для социологии времени.

В-третьих, для социологии характерна связь темпоральной проблематики с актуальными проблемами общества. В отличие от философии, которая зачастую оперирует такими темпоральными категориями, как «вечность», «бессмертие», «смерть» и др. умозрительно, без привязки их к социокультурному и социально-историческому контексту, социология рассматривает обозначенные «сакральные» феномены, равно как и повседневные темпоральные практики, в тесной взаимосвязи с конкретными, острыми вопросами и противоречиями, характерными для современного социума.

В-четвёртых, социологический подход заставляет придерживаться понимания социального времени как результата сознательной, конструктивистской активности человека, направленной как на реальность, создаваемую самим человеком, так и на объективно существующее (внесоциальное, природное, физическое, биологическое, физиологическое и пр.) время. Исходным посылом является утверждение о том, что социальное время – это конструкт, продуцируемый общественным сознанием, отражающий цели, особенности, результаты интеракции социальных субъектов и одновременно выступающий регулятором социальных взаимодействий.

Противоречие между природным, биологическим и социальным (человеческим) временем подчёркивал В.П. Яковлев, когда писал: «Природа по отношению к времени беззаботна и расточительна. У неё в запасе достаточно много времени – целая вечность. Человеку же время «отмерено». Он вынужден беречь его, экономить» [15, с. 5]. Он также отмечал, что различия природного и социального времени заключаются в одномерности первого и многомерности второго [15, с. 25]. Эти темпоральные противоречия, заключенные в природе человека, разрешаются на уровне общества и социальной общности с помощью темпорального конструирования и регулирования.

В-пятых, специфика социологического подхода заключается в необходимости учитывать субъекта социального времени. Благодаря этому принципу социальное время в социологии превращается из абстрактной категории в реальную, «живую» и связывается с её конкретным носителем, включая особенности его деятельности, образа жизни, повседневного поведения, культуры, ценностных ориентаций и т. д. Следовательно, с позиций социологического подхода социальное время может рассматриваться на уровне личности, социальной общности и социума как социальных субъектов.

В рамках социологического подхода к социальному времени на современном этапе развития социологической науки сложилось несколько традиций и направлений. Они касаются, прежде всего, определений и сущностных трактовок социального времени. Среди них можно выделить традиционные, ориентированные на те методологические подходы, которые сложились и были доминирующими до конца XX столетия, и новые, связанные с возникновением и развитием на рубеже XX–XXI вв. постмодернистских теорий.

Традиционные трактовки получили теоретическое обоснование и разработку, эмпирическую верификацию как в зарубежной, так и в отечественной социологии. Среди зарубежных исследователей, работавших в рамках традиционного понимания социального времени, необходимо отметить Г. Виленски, Ж. Дюмазедье, М. Каплана, С. Паркера, Р.А. Стеббинса, Д. Робинсона, Ж. Фридмана, Ж. Фурастье и др.

Большую роль в развитии социологии социального времени во второй половине XX в. сыграли отечественные социологи. В их работах его традиционные трактовки представлены широким спектром позиций. На социологическое видение проблем социального времени, выдержанное в рамках марксистской парадигмы, сильное влияние оказал экономический подход, представленный в работах Г.А. Пруденского, В.Д. Патрушева и др.

Труды названных исследователей сформировали серьёзный пласт социологического знания относительно рабочего и внерабочего (в том числе свободного) времени, включающего представления об их природе, сущности, структуре, социальных функциях и т. д. Работы упомянутых авторов были связаны, прежде всего, с количественным рассмотрением конкретных структур времени (исследование бюджетов времени), что позволило осуществить эмпирическое изучение особенностей использования времени (рабочего, внерабочего, свободного) различными социальными общностями и группами населения.

Примерно в то же время, когда проводились исследования бюджетов времени, в отечественной науке сложился иной, отличный от социально-экономического, философско-социологический подход к социальному вре-

мени, позволивший рассматривать его сущность, структуру, функции и конкретные виды использования [16, с. 39–40]. Поскольку социология в этот период своей истории могла существовать только в рамках социальной философии, влияние последней с очевидностью прослеживается в трактовках понятия социального времени в работах В.А. Артёмова, Я.Ф. Аскина, П.П. Гайденоко, А.Я. Гуревича, Г.Е. Зборовского, Л.Н. Когана, Н.Н. Трубникова, В.А. Канке, Г.П. Орлова, В.П. Яковлева, В.Н. Ярской и др.

В рамках этого направления впервые начинается разработка понятия социального времени. Г.П. Орлов определял социальное время как особую форму временного отношения, присущего бытию человека. Основным началом социального времени, по его мнению, является человеческая деятельность, а само оно представляет собой единство двух сторон – количественной и качественной. Для него социальное время есть фундаментальный порядок общественных отношений, выступающий обязательным условием существования и развития конкретных отношений [17, с. 16]. Трактовка социального времени Орловым осуществлялась на двух уровнях – философском и социологическом, соединяя философскую теорию времени и опыт социологического осмысления содержания различных видов социального времени советских людей.

По мнению В.П. Яковлева, социальное время представляет собой «единство длительности и последовательности событий и процессов, вызванных деятельностью людей», время – это связь событий, которая обеспечивается «не линейным детерминизмом слепых сил, а целеполаганием, сознательной борьбой за желаемое будущее» [15, с. 146]. Ещё одно определение даёт Г.Е. Зборовский, согласно которому социальное время «есть такая форма общественного бытия, которая выступает необходимым условием человеческой деятельности, её структурной расчленённости и исторического развития с учётом продолжительности процессов» [18, с. 129]. Во всех приведённых определениях и трактовках (как и во многих других) есть признаки философского происхождения категории социального времени, что, тем не менее, не мешало их авторам осуществлять вполне социологичные по своим методам и задачам исследования проблем рабочего, вне рабочего, свободного, учебного, вне учебного времени, досуга, образа жизни и т. д.

Особую страницу в изучении социального времени составляют работы представителей Уральской школы социологии. Её особенностью является обращение через проблему социального времени к таким темам, как вечность, непреходящее в культуре (Л.Н. Коган), «темпоральный вакуум» современной информационно-коммуникативной среды (В.Л. Бенин, Е.Д. Жукова), актуальная культура (Л.Н. Коган, В.Т. Шапко), социальная инерция (Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко), социальная ностальгия (Г.Е. Зборовский).

Ещё одно направление социологических исследований социального времени в рамках традиционного подхода было связано с изучением свободного времени и досуга. На теоретическом и эмпирическом уровнях активно изучалась их структура (В.А. Артёмов, А.Л. Гордон, Б.А. Грушин, Э.В. Клопов, В.Д. Патрушев, Г.С. Петросян), взаимосвязь досуга и культуры (Г.Е. Зборовский, Г.П. Орлов, Н.А. Хренов) и др.

Определённой точкой перехода от традиционного к новому подходу в изучении социального времени стало формирование особого исследовательского направления, связанного с вопросами коллективной и исторической памяти, а также временем поколений, биографии и жизненного пути (В.Н. Ярская, Б.В. Дубин, Ю.А. Левада, В.В. Семёнова). Ряд авторов полагает, что категория социального времени приобрела в современной социологии новый предметный смысл. Сегодня «программа концептуализации идеи времени включает, во-первых, безусловное осознание времени как феномена культуры, аккумулирующего в исторически определённых формах не только общую совокупность временных параметров и форм отдельных типов культуры, но и специфическое наполнение этих эпох. Во-вторых, она выражает вза-

имодействие социальной составляющей категории времени с преобразованием социальных практик и индивидуальной жизни человека, отображённой в жизненных стилях» [19, с. 8].

В исследовании социальной памяти и жизненного пути чаще всего применяется качественная методология, что уже само по себе означает отход от прежней методологической традиции. Огромное влияние на «открытие», а затем и развитие в отечественной социологии данной проблематики оказали социологи-постмодернисты, к работам которых мы обратимся чуть позже.

В определённом смысле традиционные трактовки социального времени и сегодня сохраняют свой познавательный потенциал и по-прежнему используются в социологических исследованиях. Однако не все темпоральные явления и процессы, характерные для современного общества, можно объяснить с их помощью. Можно с уверенностью говорить о необходимости разработки иных теоретических схем и иной методологии эмпирического изучения новых форм, видов, свойств, функций социального времени.

Кардинальное изменение свойств социального времени на рубеже XX–XXI вв. представляет собой серьёзный вызов общественным наукам. В прошлом остались концепции линейного, прогрессистского развития общества и культуры, мало кто спорит с ограниченностью использования физикалистских и позитивистских теорий времени, прошла научная мода на циклические концепции времени. Их оказалось недостаточно для объяснения того, что происходит с социальным временем в современном обществе.

Продуктивным в этом плане стали социологические концепции конца XX – начала XXI вв., которые, не претендуя на целостность и всеохватность проблемы времени, тем не менее, точно отразили суть происходящих с ним изменений и создали предпосылки изучения нелинейного времени и его динамики. Большую роль в этом сыграл постмодернизм как направление социальной мысли, для которого категория нелинейного времени оказалась одной из узловых.

Наиболее концептуальные подходы к социальному времени были разработаны зарубежными учеными З. Бауманом, И. Валлерстайном, Э. Гидденсом, Дж. Урри, П. Штомпкой, из отечественных социологов – С.А. Кравченко и др. У концепций названных авторов имеется ряд особенностей, которые отличают их от тех, что были созданы в рамках традиционного подхода.

Во-первых, в них содержится указание на необходимость обращения к системе временных категорий как к наиболее верному способу решения важных исследовательских задач. Несмотря на то, что ни одна из новых концепций даже в своём названии не содержит упоминания времени, тем не менее, темпоральная проблематика для них является сквозной. Анализ социального времени осуществляется во взаимосвязи с другими социальными проблемами современности, но при этом, в отличие от традиционных концепций, в работах названных выше социологов время по принципу гештальта превращается из «фона» в «фигуру», становится ведущим фактором социальной действительности.

Во-вторых, особенностью названных концепций является совершенно новый подход к классификации видов социального времени, отражающий процессы его динамики (изменения форм, свойств, функций и т. д.) и усложнения его структуры. Согласно данному подходу, время не абсолютно и не единообразно. Есть многообразные времена или, как пишет Урри, разные режимы времени, «обладающие разнообразными потенциалами по преобразованию физического и социального мира» [20, с. 156]. Время поливариантно и полиальтернативно. Многообразие субъектов времени, форм их жизнедеятельности, разнообразие структур социального пространства, к которым может быть привязано время, и ряд других факторов определяют множественность временных феноменов.

В связи с необходимостью всестороннего анализа и сложностью времени как предмета исследования в названных концепциях разрабатывает-

ся целая система темпоральных категорий: «киберпространство, свободное от времени», «автомобильное время», виртуальное время, «время текучей современности», «компьютерное», «ледниковое время» и т. д. При этом для описания различных видов времени применяется метод метафор. Время приобретает названия «вневременного», «виртуального», «мгновенного», «ледникового», «часового», «жизненного», «мирового» и др.

Одно из объяснений этого факта, по-видимому, связано с ограниченными на данный момент возможностями социальной науки адекватно описать новые темпоральные явления с помощью традиционных когнитивных конструкций – категорий и понятий. Метафоры как нельзя лучше отражают особенности новых свойств нелинейного времени. Без них «невозможен никакой прорыв в неизвестность, в непознанное. В этом – в артикуляции нового – и состоит важнейшая роль метафоры в науке» [21, с. 48].

В-третьих, в новых концепциях по-особому решается вопрос о соотношении объективного и субъективного в исследовании времени. Если в классической социологии (О. Конт, Э. Дюркгейм, К. Маркс) время носит абсолютно объективный характер, а в феноменологии оно рассматривается исключительно как феномен субъективного восприятия и интеракции, то, например, Урри и Бауман подчёркивают необходимость синтезировать различные (объективные и субъективные) подходы к времени. В этой связи в «темпоральных проектах» рубежа XX–XXI вв. осуществляется попытка связать рациональные и эмоциональные аспекты восприятия и переживания времени.

Обозначив общие принципы исследования социального времени в новых социологических концепциях, перейдём к его трактовкам в работах ведущих зарубежных и отечественных социологов.

В своей теории структуризации Э. Гидденс считает категорию времени важнейшим инструментом социологического анализа. Не случайно он полагает, что устройство общественных институтов можно понять, если рассматривать, как социальные деятельности растянуты во времени и пространстве. В само определение социального института он вводит время как одно из его свойств [22, с. 60]. Характеризуя структуру времени, Э. Гидденс выделяет два её уровня: время институциональное, характеризующее взаимодействия макроуровня, и встроенное в него микровремя, время «потока повседневности», в котором осуществляется взаимодействие «лицом к лицу» [22, с. 20–22]. Категориальный аппарат теории структуризации также включает в себя понятия эпизода и мирового времени, описывающих макровремя.

Темпоральность социальной жизни, по Гидденсу, имеет три измерения. Первое – протяжённость повседневного опыта, которую Э. Гидденс называет «обратимым временем». Второе измерение темпоральности – «необратимое время» индивидуальной жизни, связанное с тем, что «наши жизни “прекращаются” в необратимом времени, уходят со смертью организма» [22, с. 82]. Третье измерение темпоральности социальной жизни – «наиндивидуальная» длительная протяжённость институционального времени, которая обеспечивает преемственность поколений.

Трактовка социального времени в работах Э. Гидденса включена в концепцию зонирования, согласно которой повседневная жизнь осуществляется в определённых, связанных друг с другом, временных и пространственных зонах. Временные пределы детерминированы, во-первых, конечностью человеческой жизни, что делает время для человека дефицитным ресурсом; во-вторых, ограниченной возможностью выполнения одновременно нескольких видов деятельности (отсюда возникает явление очерёдности); в-третьих, тем, что каждый вид деятельности имеет определённую продолжительность и осуществляется в определённое время суток или года. Повседневные перемещения человека между различными «зонами» задаются структурой времени – делением его на дневное и ночное, увеличением дневного времени благодаря изобретению искусственного освещения, продолжительностью тех видов деятельности, которыми занят человек.

У Гидденса выход на эмоционально-чувственные аспекты времени связан с анализом регулятивной функции времени. Исследователь полагает, что в институтах социального контроля «время превратилось в измеримое приложение административной власти» [22, с. 206], будь то расписание уроков в школе, распорядок монастырской и армейской жизни, регламент трудовой деятельности на предприятии или пребывания в психиатрической больнице, тюрьме. С каждым периодом времени связана определённая система контрольных действий и санкций (экзамены, проверки, получение документа).

Вслед за М. Фуко [23] он утверждает, что дисциплина поддерживается посредством манипуляций с временем и пространством. Строго регламентируя местопребывание человека или группы в жёстко установленное время, представители власти снижают риск изменений и неопределённости, ведь «дисциплина зиждется на строгом количественном учёте и распределении пространства и времени» [22, с. 221].

В «тотальных институтах» последовательность событий предопределяется на среднюю и долгосрочную перспективу. Если лишение человека его собственного времени в условиях свободы повседневной жизни компенсируется денежным вознаграждением, повышением в должности, отпуском и т. д., то в условиях несвободы такая компенсация невозможна, что, как правило, ведёт к деградации личности, разрушению её идентичности, потере смысла жизни. Таким образом, из положений, высказанных Э. Гидденсом в теории структуры, мы можем сделать очень важный вывод, касающийся способности человека распоряжаться временем. Время, которым человек может располагать по собственному усмотрению (даже если это не свободное время, а время, которое он продаёт работодателю), становится основой для формирования его идентичности, способом самореализации и самоопределения. Лишение человека такой возможности приводит к психическим и социальным деформациям, в частности, усиливает социальные страхи и тревоги.

Особое направление в рамках нового подхода к исследованию времени составляют работы И. Валлерстайна и П. Штомпки, касающиеся проблем социальных изменений. Валлерстайн, опираясь на синергетическую методологию и теорию «больших циклов» Н.Д. Кондратьева, отмечал, что в истории социологии сформировались четыре типа представлений о времени – «время событий», «вечное время», «структурное время» и «циклическое время» [25]. Валлерстайн отдаёт предпочтение последнему. В его глазах циклическое видение темпорального развития исторической системы кажется наиболее верным и ценностно оправданным.

П. Штомпка, рассматривая социальные изменения, разрабатывает стройную систему классификации данных процессов. В этой классификации время присутствует в качестве одной из осей системы координат, в которой разворачиваются изменения. Он выделяет различные виды направленных процессов изменений – линейные, скачкообразные, циклические, которые характеризуют направление динамических процессов в обществе, задают либо строго детерминированный, либо хаотичный характер их развития, прогресс, регресс и т. д. [25, с. 457–458].

Время в трактовке Штомпки приобретает характер самостоятельного капитала, своего рода товара; его можно беречь, терять, тратить, инвестировать, использовать, продавать и покупать [25, с. 510]. Польский социолог подчёркивает значение субъективности в оценке различных видов изменений и, что особенно важно, связывает её с особенностями субъекта социального времени. Он пишет: «Никакое изменение не является прогрессом или регрессом само по себе. Оно может быть квалифицировано как прогресс, если станет предметом распространённой в каком-нибудь обществе (группе) позитивной оценки, которая будет дана ему в соответствии с определёнными критериями. Прогресс – это то, что общественность принимает за прогресс, считает прогрессом (точно так же обстоит дело с регрессом). Таким образом, прогрессивность (регрессивность) всегда относительна» [25, с. 460].

Выделяя три модели прогресса – сакральную, механистическую и гуманистическую, Штомпка конкретизирует свои размышления по поводу субъекта социального времени. В первой модели субъектом является Бог, Провидение, во второй – социальная система, а в третьей – человек, действующий вместе с другими людьми (коллективный субъект). По сути, Штомпка выходит на понимание социальной группы или общности как субъекта социального времени (нации, социальные классы), хотя особо подчёркивает роль индивидуальных субъектов в истории (политических лидеров, пророков, вождей) [25, с. 466].

Социальное время в концепции польского социолога является отражением социальной жизни представителей различных культур, малых групп (семьи) и больших общностей (нации). В таком понимании «время – это не субстанция, а сеть взаимно отражённых отношений, формирующих особенные, временные (измеряемые тем или иным темпом) взаимозависимости между явлениями, событиями и действиями» [25, с. 494]. В социальном времени Штомпка видит средство социальной регуляции отношений – их организации, координации, синхронизации, упорядочения [25, с. 504–510].

Понятие времени стало ключевым в концепции текучей современности З. Баумана. Время и пространство «текучего общества», по Бауману, не только приобретают особые свойства, они ещё вступают в новые отношения между собой. Благодаря техническому прогрессу время «оторвалось» от пространства и стало активным, независимо действующим фактором. Оно перестало быть особенностью пространства, но превратилось в атрибут передвижения и фактор разрушения, «заявляя позицию активного партнёра в браке между пространством и временем» [26, с. 122].

Лейтмотивом в работе Баумана звучит идея взаимосвязи власти и времени. Время становится способом покорения пространства – физического и социального. Речь идёт не просто о чрезвычайно быстром физическом перемещении людей, предметов и идей, но и о способности использовать своё и чужое время как инструмент управления социальным миром: «Люди, что двигаются и действуют быстрее и в большей степени приближаются к мгновенности движения, теперь являются теми, кто управляет. ...Доминирование состоит в способности ускользнуть, отдалиться, «быть где-то в другом месте» и праве выбирать скорость собственного перемещения, одновременно лишая людей, над которыми доминируют способности останавливать, ограничивать свои передвижения или замедлять их» [26, с. 130–131].

Согласно позиции Баумана, для времени сегодня характерна не длительность и протяжённость, а мгновенность. Время может сжиматься до (или почти до) мгновения, и теперь изобразить движение времени, которое представлено не «стрелой» или «кругом», а «отдельными точками без измерения», практически невозможно. Время «текучего общества», обладая указанными характеристиками, задаёт особые параметры существования человека. Мгновенное время способствует фрагментации действительности, а вызванная этим потеря целостности для человека чревата нарушением его функционирования – физического, психического и социального, появлением смятения и страха. «Что было разрезано на части, то не может быть снова склеено вместе. Оставь надежду на цельность, как будущую, так и прошлую, всякий, входящий в мир текучей современности» [26, с. 29].

Анализ времени в работах Баумана имеет эмоциональную направленность: время семантически и метафорически связывается с нападением, соревновательностью, доминированием, манипулированием, властью. «Мгновенное время» продуцирует не только новые стандарты, но и страх неуспешности, упущенных шансов, стремление «бежать в ногу с временем» без остановки, даже если это превышает человеческие психофизиологические, культурные и социальные возможности. Эти страхи и тревоги характерны не только для тех социальных общностей и групп, которые в системе темпоральной стратификации стоят на более низких позициях, но и тех, кто доминирует.

В социологической концепции мобильностей Дж. Урри предлагается несколько иной вариант трактовки социального времени, связанный с анализом новых его видов и качеств. Дж. Урри, используя метафоры, выделяет кайрологическое, или жизненное время, «ледниковое время», «часовое время» и «мгновенное время», которые сосуществуют, как бы наслаиваясь друг на друга. Доминирующим видом становится «мгновенное время», хотя в жизнедеятельности определённых социальных общностей вдруг проявляются то в рудиментарной форме, то в качестве «острова» иные виды времени – часовое, ледниковое или кайрологическое.

«Мгновенное время» в социальных практиках проявляется в сиюминутности моды, чрезвычайно высокой скорости производства товаров и приобретения ими доступности, резком сокращении (до минут) времени для принятия решений. Мгновенными становятся контакты и отношения (как уже описанные у Баумана мгновенные встречи горожан), передача информации, поминутный просмотр-переключение телевизионных каналов («видео-время»), изготовление и использование одноразовой посуды. Материальной основой «мгновенного времени» являются новые информационные технологии, основанные «на временных интервалах, лежащих за пределами сознательного человеческого опыта» [20, с. 183].

По мнению Урри, «мгновенное время» входит в противоречие с эмоциональным, чувственным планом восприятия времени. Следствием его влияния становится чувство беспокойства, страха, порождённые «чувством сжатия ... пространственных и временных миров», так как меняется «структура чувствования» новых темпов, новых типов движения (мобильности) [20, с. 181]. «Сжатие времени-пространства усиливает ощущение, что мы обитаем в мире серьёзных и непосредственных угроз» [20, с. 184]. Это сказывается на самочувствии людей и их представлениях о будущем: они теряют оптимизм, веру в улучшение жизни, их планы и виды на жизнь становятся все более краткосрочными.

Британский социолог представляет время как нелинейное, выделяя особый его вид – синхронное. В нем события происходят не последовательно, а одновременно, возникают и разворачиваются по принципу голограммы. Идея «стрелы времени», символизировавшая прогресс и поступательное развитие, сменяется идеей «временного коллажа». Урри, так же как и Бауман, полагает, что не существует времени, единого для всех людей, а есть многообразие времен. Таким образом, краткосрочность времени сопровождается его фрагментарностью, проявляющейся в «эффекте коллажа» и созданной разнообразными, ничем не связанными событиями.

Позитивный смысл фрагментации времени видится в присутствии среди других времен («мгновенного», остатков «часового времени») «ледникового времени», которое сдерживает увлечение безумными скоростями. «Ледниковое время» – метафора, придуманная Дж. Урри для времени медленного, соответствующего природным скоростям, охватывающего (а значит и связывающего) несколько поколений людей. Благодаря сохранению этой межпоколенной связи повышается значимость будущего и прошлого для настоящего. Именно забота о будущем, о долгосрочных отношениях связывает поколения, обеспечивает заботу о полноценном проживании в сегодняшнем дне.

В российской социологии теоретической разработкой проблемы нелинейности и нелинейного социального времени занимается С.А. Кравченко. В понимании социального времени он исходит из того, что «мир вступил в усложняющуюся социокультурную динамику, для которой характерны нелинейное развитие, разрывы, центробежный и беспорядочный характер трансформаций», разные скорости и ритмы развития рефлексизирующего социума [27, с. 3]. Эта нелинейная реальность требует поиска принципиально новых подходов к её исследованию. К исследованию современной нелинейной динамики С.А. Кравченко предлагает применять играйзационный подход.

Согласно ему особая, новая роль в становлении динамичного, открытого социума принадлежит человеку как самоорганизованному актору, которому приходится иметь дело с игрой структур и функций, реалиями, находящимися в разных темпомирах.

Социальное время, по мнению российского социолога, не поддерживает историческую преемственность, наоборот, изменившаяся его природа (ускорение, мгновенность, ускользание) стимулируют возникновение парадоксальных разрывов в социуме. Последние характеризуются неожиданностью и отсутствием видимых внешних причин своего возникновения. Социальное время, так же как и социальное пространство, становится разнообразным и разновекторным, со множеством координат, что влечёт за собой функционирование социума по принципу ризомы [28, с. 6].

Один из парадоксов современного общества видится ему в сосуществовании различных темпомиров. Исследователь пишет: «имеет место парадоксальный синтез *разновременных социальных реалий, относящихся к разным темпомирам, которые ныне одновременно существуют в одном пространстве*» [28, с. 7]. Речь идёт о старых (долгоживущих) и новых ценностях, рисках, представлениях, которые порой антагонистичны друг другу.

В формировании и смене двух вышеописанных методологических подходов (парадигм изучения времени) нам видится эволюция социального времени как предмета современного социологического знания. Подчеркнём, что у каждого подхода есть свои ограничения и возможности в познании социального времени, его свойств, динамики, характера влияния на темпоральное поведение социальных субъектов.

Литература

1. Кемеров, В.Е. Время и пространство [Текст] / В.Е. Кемеров // Современный философский словарь. – Лондон-Франкфурт-на-Майне-Париж-Москва-Минск : ПАНПРИНТ, 1998. – 1064 с.
2. Бердяев, Н. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения [Текст] / Н. Бердяев // Бердяев Н. Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994. – 252 с.
3. Кемеров, В.Е. Время социальное и пространство социальное [Текст] / В.Е. Кемеров // Современный философский словарь. – Лондон-Франкфурт-на-Майне-Париж-Москва-Минск : ПАНПРИНТ, 1998. – 1064 с.
4. Мелёхин, А.И. Исследования времени в отечественной психологии: наследие и перспективы [Электронный ресурс] / А.И. Мелёхин. – Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/melehin_issledovaniya_vremeni.html.
5. Абульханова-Славская, К.А. Время личности и время жизни [Текст] / К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина. – СПб. : Алетейя, 2001. – 304 с.
6. Becker, G.S. A theory of the allocation of time [Text] / G.S. Becker // Economic Journal. – 1965. – Vol. 75. – № 299. – Sept. – Pp. 493-517 (рус. пер. ст. см.: http://www.seinstitute.ru/Files/v3-5-becker_p82-121.pdf).
7. Самуэльсон, П. Экономика [Текст] : в 2 т. / П. Самуэльсон. – М. : Алгон, 1993.
8. Бельских, И.Е. Время как экономическая категория (к вопросу формирования экономики времени) [Текст] / И.Е. Бельских // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 23. – С. 19-24.
9. Felfe, J. Does the form of employment make a difference? – Commitment of traditional, temporary, and self-employed workers [Text] / J. Felfe, R. Schmook, B. Schyns, B. Six // Journal of Vocational Behavior. – 2008. – № 72. – Pp. 81-94.
10. Su, S. Commitment and work-related expectations in flexible employment forms: An empirical study of German IT freelancers [Text] / S. Su, M. Kleiner // European Management Journal. – 2010. – № 28. – Pp. 40-54.
11. Курносова, Т.И. Гибкая занятость в экономике развитых стран (причины, формы, эффективность) [Текст] : дис. ... канд. экон. наук // Т.И. Курносова. – М., 1998. – 143 с.

12. Санкова, Л.В. Занятость инновационного типа: теория, методология исследования, управление [Текст] : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Л.В. Санкова. – М., 2008. – 48 с.
13. Стребков, Д. Фрилансеры в информационной экономике [Текст] / Д. Стребков, А. Шевчук // Социальная реальность. – 2008. – № 1. – С. 23-39.
14. Горбунов, В.Е. Социологические аспекты социального времени в современном российском обществе [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / В.Е. Горбунов. – Саратов, 2001. – 24 с.
15. Яковлев, В.П. Социальное время [Текст] / В.П. Горбунов. – Ростов : Изд-во Ростовского ун-та, 1980. – 160 с.
16. Зборовский, Г.Е. Социология досуга и культуры [Текст] / Г.Е. Зборовский. – М. : Альтекс, 2006. – 242 с.
17. Орлов, Г.П. Свободное время – условие развития человека и мера общественного порядка [Текст] / Г.П. Орлов. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 173 с.
18. Зборовский, Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия [Текст] / Г.Е. Зборовский. – Свердловск : Свердловский юрид. ин-т, 1974. – 223 с.
19. Ярская, В.Н. Пространство и время социальных изменений [Текст] / В.Н. Ярская, Л.С. Яковлев, В.В. Печенкин, О.Н. Ежов. – Саратов : Научная книга, 2004. – 280 с.
20. Урри, Дж. Социология за пределами общества. Виды мобильностей для XXI столетия [Текст] / Дж. Урри. – М. : Изд. дом «ВШЭ», 2012. – 336 с.
21. Кузьмина, М.А. Метафора как элемент методологии современного научного познания [Текст] / М.А. Кузьмина // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 42-52.
22. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации [Текст] / Э. Гидденс. – М. : Академический проект, 2005. – 528 с.
23. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. – М. : Ad Marginem, 1999. – 480 с.
24. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира. Социология XXI века [Текст] / И. Валлерстайн. – М. : Логос, 2003. – 368 с.
25. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
26. Бауман, З. Текучая современность [Текст] / З. Бауман. – М. : Питер, 2008. – 240 с.
27. Кравченко, С.А. Возрождение социологической теоретической мысли в России: проблемы и достижения [Текст] / С.А. Кравченко // Социологические исследования. – 2008. – № 6. – С. 124-130.
28. Кравченко, С.А. Нелинейная динамика: парадоксальные разрывы и синтезы социума [Текст] / С.А. Кравченко // Вестник МГИМО Университета. – 2008. – № 2. – С. 66-76.